

УДК 821.161.3.0:398

В.Ю. Боровко

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРОЗАИКОВ БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В статье исследуется использование этнографического материала в прозе русскоязычных писателей Беларуси второй половины XX века. На основании анализа видов, типов и функций художественного этнографизма в произведениях ведущих русскоязычных прозаиков того времени утверждается, что этнографический материал выступал важным художественно-образительным средством в исторической и деревенской прозе. Художественный этнографизм в творчестве русскоязычных прозаиков свидетельствует, что независимо от языка, на котором автор пишет свои произведения, он подчиняется общим законам художественного творчества, что использование этнографического материала детерминировано императивами времени и литературной традиции. Эстетический потенциал этнографического материала в литературном произведении определяется уровнем писательского таланта, а познавательный – жизненным опытом и концептуальными установками автора.

Белорусская проза накопила достаточно богатый опыт в эстетическом освоении этнографического материала. Отечественные литературоведы при исследовании словесного искусства, как правило, обращаются к творчеству тех авторов, которые создавали свои произведения на белорусском языке. Думается, что для воссоздания более объективной картины развития нашей литературы, для стабилизации ранее сделанных литературоведами выводов в сферу научного анализа следует привлекать и творческое наследие русскоязычных авторов. Это позволит углубить сложившиеся представления об особенностях осмысления и изображения действительности в искусстве слова, о специфике национального литературного процесса, о национальной прозаической традиции.

Русскоязычная проза как полноценное эстетическое явление в белорусской литературе заявила о себе во второй половине XX века. Среди русскоязычных авторов одни родились на белорусской земле (Э. Скобелев, Н. Чергинец, Ю. Богушевич, И. Клаз, Э. Ялугин, М. Герчик, В. Тарас и др.), другие в силу различных обстоятельств оказались на территории Беларуси (В. Машков, И. Мяло, И. Панченко, А. Сульянов, А. Андреев и др.), некоторые прозаики начинали писать на русском языке (В. Казько, например), а затем перешли на белорусский.

В той или иной степени русскоязычные писатели в своём творчестве обращались к этнографическому материалу. Как известно, литература наряду с фольклором и этнографией есть органическая часть единой мегасистемы под общим названием «народоведение». Этнографический материал в литературном произведении, или художественный этнографизм, – важный элемент народоведения и познания законов творческой деятельности. Атрибутивная черта художественного этнографизма – бинарная природа, так как по сути своей это не зеркальное воспроизведение, а писательское видение этнографического материала, его субъективно авторская репрезентация средствами словесного искусства. Художественный этнографизм в произведениях русскоязычных авторов о современной жизни горожан, о подвиге народа в годы Великой Отечественной войны создавал чаще всего своеобразный фон для развития событий. Активно и достаточно продуктивно в творческом отношении использовали этнографический материал прежде всего те русскоязычные прозаики, которые изображали далёкое прошлое и деревенскую жизнь.

Историческая проза в отечественной литературе интенсивно развивалась со второй половины XX века. В творчестве как белорусскоязычных (А. Чернышевич, Н. Ло-

бан, Б. Саченко, частично В. Короткевич), так и русскоязычных писателей (И. Клаз, И. Мяло, Э. Скобелев, Э. Ялугин) при этом доминировал познавательный-информативный план в освещении событий и лиц давно минувших дней. Художественный этнографизм, то есть изображение материальной и духовной культуры народа, выполнял главным образом культурологическую функцию. Яркое свидетельство тому – роман Ильи Клаза «Белая Русь». В центре этого произведения изображение Пинского восстания 1648 года, направленного против церковной реформы 1596 года и полонизации белорусских земель. В романе Клаза этнографическо-бытовой план прежде всего помогает воссоздать колорит исторического времени, является необходимым элементом реалистического изображения. Автор достаточно подробно показывает быт жителей Полоцка и Пинска. О Пинске и его населении, в частности, говорится: «Шумен и люден Пинск. Много тут разных цехов – скорняки, ковали, шапочники, седельники, шорники, оружейники, золотари. И все изделия на базаре. Сразу бросилось Алексашке в глаза то, что здесь люд пошивает по-своему. Порты в разные цвета окрашены. Даже красные видал. Рубахи расшиты и сильнее отбелены. Видно, лён здесь получше. А бабы и девки в цветастых сарафанах и кофтах с широкими рукавами, прошитыми шелковыми нитками» [1, с. 27]. Автор обращает внимание на такие детали, как внешний вид, одежда, кухня, манера бытового и социального поведения. На протяжении романа повествователем неоднократно сравниваются «казаки» и «белорусцы» как внешне: «Казаки в кунтушах и широких шароварах разожгли костры и варят в горшках кашу. Люд разный: молодой, с лёгким пушком на лице и старый, бородатый, с сединой. Среди казаков много белорусцев. Их сразу отличить можно – шаровар и кунтушей не носят, на голове не оселедец, а копна русых волос. И кожей белорусцы белей» [1, с. 142], – так и внутренне. В частности, гомельский купец Савелий возмущается полочанину Алексашке: «Белорусцы народ податливый. Паны из него вон сколько крови выпили. Люд молчит. К покорству приучен... кажет тебе пан голову о колоду расшибить – расшибёшь. Чего молчишь? Расшибёшь?» [1, с. 25]. «Будто тебе пан не указ, – обиделся Алексашка. – И ты у него под капцом» [1, с. 25]. Парадоксальность этого эпизода в романе заключается в том, что о народном долготерпении говорят бунтари: Савелий готовит восстание, а Алексашка убежал в Пинск, чтобы не наказали за избиение писаря. В духе уже своего времени и существовавшей в современной ему литературе традиции Ильи Клаза артикулирует социальное бесправие ремесленников и крестьян. Автор отдаёт предпочтение художественному этнографизму социального и бытового видов симбиотического типа, то есть изображению этнографических реалий через взаимообусловленное сочетание их воспроизведения персонажами и повествователем.

Многие малоизвестные страницы белорусской истории нашли отражение в творчестве Эрнеста Ялугина, такие, как история Мстиславльщины. Этнографический материал вводится в произведениях Ялугина объективированно, в форме повествования от третьего лица. Так, в небольшой повести «Последний князь» рассказывается о событиях начала XVI века, о судьбе белорусских земель в период военного и политического противостояния Московского государства и Речи Посполитой. Художественный этнографизм способствовал живописному воссозданию этно-социальных исторических реалий XVI века. Автор достаточно подробно показал жизнь ремесленников, духовенства, шляхты, аристократии. В повести много историзмов типа «каштелян», «загоновая шляхта», «панцирные бояре», «стольник», «драбы». Речь персонажей и повествователя у Ялугина изобилует словами, широко представленными в современном белорусском языке («пройдисвет», «чутки», «ужака», «блескучие», «призначил», «думки», «часина», «скура», «памятаю», «оздоблял», «шиба», «лихвар» и др.), что по-своему способствовало реалистической конкретизации изображаемой этнодействительности. В отличие от Эрнеста Ялугина и Ильи Клаза, Иван Мяло в романах «Принада», «Овсяный бунт» де-

лает ставку на событийность, а этнографический материал в его произведениях орнаментален, сюжетно и идейно факультативен.

На общем фоне русскоязычной исторической прозы заметно выделяются синтезом философского, этического и эстетического начал романы Эдуарда Скобелева. Этнографический материал у этого писателя вводится от имени вымышленного повествователя: в романе «Мирослав, князь Дреговичский» это безымянный дреговичский летописец, в «Свидетеле» – капитан русской армии Тимков. Роман «Мирослав, князь Дреговичский» повествует о сложном периоде в жизни восточных славян, когда язычество вытеснялось христианством. Автор сознательно ввёл элементы древнерусской речи для художественной реконструкции исторического времени. Много внимания в «Мирославе, князе Дреговичском» уделяется обычаям славян: «Охотнее всего Словень кладёт требы Роду, чрез него видят и слышат бози човеца; отверженного Родом не воспримет ни единый из бозей, ибо не поймёт; се тайна велика и всеохватна: путь к богам пролегал от човеца к человеку, и путь (этот) Род» [2, с. 220]; «Всяк из словени, и дрегович, и деревлен, и полен, и кривич, и ильмен, и протчие, почитающие Даждь-бога, Перуна, Влеса и Могожь, прежде ведали отцов в пяти коленах; выкликаемый князем оглашал восемь, и подтверждали ручальники. Обычай Словеньской земли велит блюсти память о пяти отцах и трёх родовичех также белой волхве и прорицателям» [2, с. 6–7]. Очень подробно летописец характеризовал языческие праздники, обращая внимание не только на черты подобия, но и на отличие разных славянских племён: «В Пробуди, в Разговенье, ядут вепря и дичину одни запорожи и древляне, ещё вятичи; дреговичи мяс не ядут, але блины с репой, корени, соленые сыры и горох, отчего древляне называют дреговичей «комоядь», прозвище для дреговича обидное» [2, с. 147]. Летописец, по видимому, человек преклонного возраста, жалеет: «Ныне всё меньше по Словени крепких людей, подобных прежним: ночь спали нази на голой земле, мяс не варили, досьта николи не ели, медами не опивались и ложью себя не травили, трудов не избегали и не ведали недугов с рождения до смерти» [2, с. 202]. Начало негативным явлениям в жизни славян было, по мнению летописца, положено варягами, которые упразднили вече, обет первородного братства, ввели новые обычаи: «Прежде меды варились общиною к свадьбам, поминальным тризнам, к Купалью, Русалочьей седмице, Корочуну и Первоснежью; подносили ещё недужным и раненым. А злого вина не пили даже на княжеских застольях, считая отравой. И было позором везти хмелье на торжища. Пристрастившихся к пороку (винопития) изгоняли из общины; умерших с перепоею хоронили в скотей яме. Ныне же, како вижу, обычай иной; воротившихся из походов, идеже причаствовали застолью руси и варязей, тянутся хмелиться, хваля обычай...» [2, с. 151]. Дреговичский князь Мирослав из патриотических соображений защищал древние обычаи. Мстислав, как и летописец, боялся, что принятие новой веры приведёт к неизбежной элиминации традиционных моральных устоев: «Вот начало конца обычая и русьского духа, быти неисчислимым бедам, станет хрищение пагубнее призвания варязей, оскопит волю и охолопит сердца, приидут греки, и заговорим чюждым языком» [2, с. 141].

«Свидетель» Скобелева – это исторический роман о влиянии масон на политику царского двора в период правления Петра III. Основное место действия в произведении – столица Российской империи, а главный герой – молодой офицер русской армии Тимков, отцу которого служба обеспечила дворянство. История рода, изложенная капитаном Тимковым, по-своему иллюстрировала типичный путь русского человека к получению дворянства: «Батюшко мой Гаврило Исаич Тимков происходил от людей вольных купеческого сословия, старообрядцев, по преданию, отправлявших важные должности ещё при Иоанне Грозном. Яко молодецкий сын родителя своего, Гаврило Исаич был вовсе лишён видов на наследство. Будучи, однако, дерзкого и необузданного нрава, самочинно покинул Новгород и вступил рядовым в Семёновский гвардейский

полк, где отличился изрядно, но в одной из баталий, быв ранен, попал в плен к шведам. Много горестей испытал пленник, прежде нежели очутился в Саксонии. Там, зная с детства по-немецки, завёл счастливо обстоятельство небольшое торговое дело и весьма преуспел» [3, с. 4]. Тимков-отец так говорил о своих соотечественниках: «Мы русские люди, сиречь искатели истины, много претерпевшие от лжи, но не разуверившиеся в правде» [3, с. 22]. В Петербурге Тимков-младший оказался в эпицентре масонского заговора против Петра III и лучших людей России. Покровитель капитана масон и камергер двора немец Хольберг высокомерно замечал: «Взгляни на нравы: предрассудки, взаимная неприязнь, лихоимство, погоня за деньгами и властью, кругом обман, лень, унижение человека. Никаких проспектив, ибо в России так: если их нет подлинно у государя, не сыщешь и у подданных... С большим пожаром Пётр Фёдорович не совладеет, а большой пожар выжжет дотла и то, что построено нами. Русским неведома середина – они ещё дикое племя...» [3, с. 187]. Политический противник Хольберга князь Василий Матвеев восхищался соотечественниками и одновременно жалел их: «Если и не погибла ещё Россия, то ведь потому только, что на подвижнике стоит и подвижником держится, на крови его, на страдании, на слезах безвестных. Где немец возьмёт усидчивостью и системой, где француз победит золотом и кучею приверженцев славы, там русский пересилит только бездонностью горя своего, слепящим и нескончаемым трудом, беспримерным терпением, гонимый и презираемый ближними, попираемый соплеменниками и лишённый всякой защиты перед тупостью и злобою их...» [3, с. 200]. Матвеев ненавидит «находников», жаждущих власти и денег. Народ остро чувствует, что несправедливость исходит от верховной власти, но боится её. Не случайно старый крестьянин осторожно заметил в разговоре с капитаном Тимковым: «Если б и сверху наши, никакой враг не страшен! Как про козла-то бают? Ноне чёрт с рогами, завтра похлебка с бобами!» [3, с. 140]. Художественный этнографизм субъективированного типа выступал средством личностной характеристики человека, создавал латентный компаративный план хронологического диалога прошлого и настоящего.

Этнографические тенденции – характерная черта исторической прозы вообще. В творчестве русскоязычных авторов, изображавших историческое прошлое, в отличие от белорусскоязычных, больше внимания уделялось быту горожан, ремесленников, значительно реже наблюдалось обращение к образам и мотивам белорусского фольклора. В русскоязычной исторической прозе уроженцев Беларуси И. Клаза, Э. Скобелева, Э. Ялугина) следы «прежнего покинутого языкового опыта» (выражение академика М.П. Алексеева) часто оставались «нестёртыми», достаточно активно эти писатели вводили в ткань своих произведений белоруссизмы.

Так называемая деревенская проза в белорусской литературе была представлена и творчеством русскоязычных авторов (А. Козловича, И. Панченко и др.). Её мотивы и использование этнографического материала во многом сходны с белорусскоязычными произведениями Виктора Карамазова, Анатоля Кудравца, Ивана Пташникова, Янки Сипакова, Алесея Жука. С помощью художественного этнографизма у русскоязычных авторов, в первую очередь, подчёркивалась динамика исторического времени. В произведениях Ивана Панченко, чьи детские годы прошли на Смоленщине, часто в качестве названия использовались строки и образы русских народных песен (рассказ «Когда б имел золотые горы...», повесть «Тонкая рябина» и др.). Нередко этнографическо-бытовые детали у этого автора приобретали символическое наполнение. Так, в рассказе «Мало меня батька бил...» старик Антон Евстигнеевич выговаривает непутёвому Петьке, горожанину в первом поколении: «Мало тебя батька бил!.. Если такие все будут, как ты, земля дыбом станет!.. Покойный Прокоп, царство ему небесное, всю жизнь работал, хоть и с войны пришёл раненый и контуженый... Для тебя старался, может, и в могилу потому раньше пошел... Дом какой построил, а ты крышу не можешь два года попра-

вить, весь угол затёк» [4, с. 31]. Крестьянский дом с протекающей крышей – метафорическое обозначение состояния деревни второй половины XX века.

Произведения Э. Скобелева «Кристина» и «Беглец» нельзя отнести к собственно деревенской прозе, но в них не последнее место отводится судьбе деревни и человека из народа. Картины незамысловатого быта и нравов белорусской деревни в повести «Кристина» (1985) – удачный стилизованный приём, посредством которого автор поэтизирует духовно богатую женщину-труженицу. Эта повесть – свидетельство того, что автор подчиняется императивам культуры, с которой он себя идентифицирует, и исторического времени. Как известно, белорусская и русская проза в середине 80-х годов прошлого века большое внимание уделяли экологической теме; отзвуки экологической проблематики присутствуют и в произведении Скобелева, когда старик Яким рассказывает легенду о происхождении названия *Лельчицы*. Смысл этой легенды сводится к тому, что в трудную для людей минуту только природа может защитить их от верной смерти.

В романе «Беглец» этнографическо-бытовые зарисовки городской и деревенской жизни белоруса второй половины минувшего века становятся материалом для размышления над превратностями человеческой и народной судьбы. Главный герой этого романа Иван Муравейка – научный работник, рефлектирующий человек, через восприятие которого показывается действительность. Муравейка – человек зрелого возраста и достаточно типичной национальной самоидентификации: советский белорус. У Муравейки обострённое чувство справедливости. Увиденное в родных местах, на постчернобыльском Полесье, приводит героя к выводу: «Мы всё ещё крестьянская страна, именно, именно, народ, трагически потерявший свою элиту, лучших своих поводырей... И уклад у нас – древний ещё уклад, бедность, хотя и святая, но всё-таки унижающая: абы в хате тихо, абы начальник доволен, абы налог уплачен... А время иное, и долг наш перед собой и перед всем миром – иной... Пока души своей не разбудим – в каждом! – до тех пор нас бей, ругай, вчетверо складывай, мы всё вытерпим и всё позволим, потому что свет ума – от света души...» [5, с. 117]. Скобелевым этически заострён художественный этнографизм бытового вида. Таким образом автор стремится убедить читателей в необходимости непредвзято оценивать перспективы дальнейшего развития деревни, оказавшейся на краю бездонной пропасти во времена урбанизации и смены общественно-политической парадигмы.

Особенность художественного этнографизма в деревенской прозе русскоязычных авторов Беларуси заключалась в том, что писатели стремились акцентировать непрерывный ход времени, углублённо исследуя при этом модификацию нравов, общественного и бытового поведения людей.

Анализ использования этнографического материала как стилизованного приёма в творчестве русскоязычных прозаиков Беларуси позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, независимо от языка, на котором автор пишет свои произведения, он подчиняется общим законам художественного творчества;

во-вторых, эстетический потенциал этнографического материала в произведениях русскоязычных прозаиков Беларуси определяется уровнем их таланта, а познавательный – жизненным опытом, степенью знакомства с той сферой действительности, которую они осмысливают.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клаз, И. Белая Русь : роман / И. Клаз. – Минск : Маст. літ., 1977. – 304 с.
2. Скобелев, Э. Мирослав, князь Дреговичский: (дума о минувшем) / Скобелев. – Минск : Маст. літ., 1979. – 430 с.

3. Скобелев, Э. Свидетель: (записки капитана Тимкова) : роман / Э. Скобелев. – Минск : Маст. літ., 1987. – 303 с.
4. Панченко, И. Уйдут метели зимние: рассказы / И. Панченко. – Минск : Маст. літ., 1980. – 192 с.
5. Скобелев, Э. Беглец : роман / Э. Скобелев. – Минск : Маст. літ., 1989. – 365 с.

Barouka V.Yu. Ethnographical Material in the Fiction of Russian-language Novelists of Belarus in the Second Half of the XX century

The use of ethnographical material in the fiction of Russian-language novelists of Belarus in the second half of the XX century is under investigation in the article. On the basis of the analysis of sorts, types and functions of art ethnographism in the fiction of main Russian-language novelists the author affirms the fact that ethnographical material more often than not acts as an important art-descriptive means in the historical and country prose. Fiction ethnographism in the novelism of Russian-language novelists of Belarus attests, that irregardless of literary work language, any author is a subject of common art creation laws and the use of fiction ethnographism is usually determined by epoch and literary traditions. Aesthetic potential of fiction ethnographism in the fiction is determined by the level of writer's talent, but the cognitive one – by the author's experience and conceptual directives.

Матэрыял паступіў у рэдкалегію 25.11.2008